

Этой книгой, как и всем, что было написано нами до сих пор, мы в огромной степени обязаны нашим чудесным женам, Джен Герберт и Ребекке Моеста. Нам бы также хотелось посвятить этот роман двум любимым и близким людям, которые слишком, слишком рано ушли от нас, — Брюсу Герберту и Джонатану Коуэну.

Человек, не совершивший в жизни ничего достойного, часто громче всех хвастается своими достижениями.

КАНИКТ: «Анализ имперских сочинений по истории»

Он находился сейчас далеко от дома, там, куда никогда не стремился, но, когда Падишах-Император пригласил всех членов Ландсраада на встречу, Лето Атрейдесу пришлось подчиниться. Он был главой Великого Дома, герцогом прекрасного Каладана, да к тому же приходился дальним родственником Шаддаму. На его отсутствие сразу обратили бы внимание.

По счастью, ему не пришлось для этого лететь на кричаще безвкусную, шумную планету Кайтэйн — столицу Империи. Дело в том, что в сердце Вселенной просто не было места для экстравагантного мемориала, задуманного правителем, и Шаддам для его устройства выбрал уголок, о котором прежде никто и слыхом не слыхивал. Императору требовалась такая планета, где можно было похвастаться всеми его достижениями и свершениями, и самой подходящей из них являлась Оторио.

Когда навигатор привел свой лайнер к планете-музею, Лето находился на космической яхте Атрейдесов, доставленной на борт гигантского корабля Гильдии. В этом путешествии Лето сопровождали, кроме пилота, несколько слуг, но сейчас он был один в своей личной каюте. У герцога была незаурядная внешность — длинные темные волосы, пронзительные серые глаза и выдающийся орлиный нос. Во всем его облике проступала непоколебимая уверенность в себе, которую не сможет затмить даже великолепие нового музейного комплекса.

Лайнер остановился на стационарной орбите, и находившиеся в его огромном трюме суда выстроились в очередь, чтобы покинуть корабль и спуститься на Оторио. Прежде это была совершенно незначительная планета, которую много столетий игнорировали путешественники, деловые люди, колонисты и имперские аудиторы. По-деревенски чистый и безмятежный, этот мир долгое время представлялся тихой заводью в океане имперской политики.

Теперь, однако, на планете выстроили новый гигантский комплекс, который должен был прославить десять тысяч лет правления Дома Коррино. Именно тот факт, что Оторио не была особенно известна в прошлом, означал, что музей самовосхваления Шаддама станет величайшей достопримечательностью планеты. Лето прекрасно понимал ход мыслей Императора.

Многие благородные аристократы прибыли сюда для того, чтобы привлечь внимание Императора, надеясь приумножить свое состояние, приобрести влияние и сокрушить соперников. Лето не преследовал таких целей. У него было свое значительное владение, правление его было устойчивым, и он уже не раз становился объектом внимания — благосклонного или враждебного — Императора Шаддама IV во время их предыдущих встреч. Герцогу Лето не требовалось ничего доказывать, но присутствовать на встрече было его долгом.

На Оторио должно было высадиться так много благородных паломников, домогавшихся милостей Императора, что выгрузка кораблей грозила затянуться на несколько часов, а яхта Атрейдесов расположилась весьма далеко от головы очереди.

Покинув Каладан, герцог старался отвлечься от скучного путешествия, продолжая работать в каюте. Он изучил данные о косяках лунных рыб, отчет о числе частных судов, погибших во время недавнего тайфуна, поинтересовался он и сведениями о ходе обучения и физической подготовки своего сына Пола. Лайнер совершил облет всех планет, откуда должны были прибыть на встречу главы Домов, так как прямых рейсов, связывавших эти планеты с Оторио, просто

не существовало. Шаддам намеревался изменить такое положение дел.

Ожидая своей очереди на выгрузку, Лето включил настенный экран, чтобы осмотреть незнакомую ему планету. Плотные облака клубились над океанами и коричнево-зелеными просторами континентов. Огромный музейный комплекс Шаддама, без сомнения, нарушит безмятежное течение жизни Оторио. Большие группы архитекторов и строителей буквально наводнили планету, преобразив до неузнаваемости единственный крупный населенный пункт. Были вымощены бесчисленные квадратные километры поверхности. Словно водоросли во время прилива, повсеместно вырастали монументы и статуи. Были воздвигнуты административные здания, гражданские центры, интерактивные аттракционы, цирки и аудитории. Были отстроены исполинские стадионы, вмещавшие сотни тысяч зрителей, — и это все на планете, население которой, как узнал Лето из имперского справочника, до совсем недавнего времени едва превышало один миллион человек.

Включилась связь с пилотом.

— Наше судно уже четвертое в очереди, мой герцог. Скоро будем выгружаться.

Пилот говорил с сильным престонародным каладанским акцентом. Спутниками Лето выбрал нескольких рабочих, для которых это путешествие было настоящим приключением, и то, что он смог доставить своим людям радость, согревало сердце Лето. Для них подобная поездка — воспоминание на всю жизнь.

— Спасибо, Арко, — ответил Лето, намеренно назвав пилота по имени. Он отключил связь и откинулся на мягкую кожаную спинку кресла.

Глядя в иллюминатор, он вдруг подумал, что ему следовало взять с собой сына Пола. Леди Джессика, правда, не была любительницей космических путешествий и не стремилась вмешиваться в придворную политику, но их четырнадцатилетний сын был умен и любознателен. Лето гордился своим наследником, однако не хотел участия семьи в этом скучном, тягостном мероприятии, единственной целью которого было самовозвеличивание Императора.

Но, с другой стороны, он не может до бесконечности прятать Пола от имперской политики. Лето был популярен в Ландсрааде, Дом Атрейдесов пользовался немалым влиянием, несмотря на то что герцог владел только одной планетой. Многие аристократы Ландсраада были бы счастливы породниться с Домом Атрейдесов, а Полу уже четырнадцать...

Лето видел, как еще два корабля покинули лайнер Гильдии через гигантский люк в днище. Некоторые корабли были абсолютно непритязательны — вероятно, менее богатые гости Императора брали суда напрокат, — но на других горделиво красовались флаги и гербы Великих Домов Мутелли, Икаца, Боннера, Уарда и прочих.

Еще один корабль соскользнул в редкие облака, а следом за ним и яхта Атрейдесов отсоединилась от фиксатора. Заработали гравидвигатели. Лето ухватился за подлокотники кресла, когда яхта резко пошла вниз по орбитальному коридору к верхним слоям атмосферы.

Включился Арко.

— Ожидаются несколько рывков, милорд. На высокой орбите есть препятствия — думперы и брошенные тягачи. Системы Оторио сработают, последует ряд маневров, чтобы избежать столкновений.

Лето посмотрел в иллюминатор, увидел какие-то обломки, кружащие вокруг Оторио по бесконечным слепым орбитам.

— Удивительно, почему Шаддам их не убрал.

— Не успевали со строительством, сир. Осталось тяжелое оборудование и тягачи — все они пусты, как мне думается. Вероятно, и финансов не хватило...

— Шаддам, конечно, не мог отложить торжество до более разумной даты, — процедил Лето сквозь зубы, а затем произнес в микрофон: — Я полагаюсь на твоё мастерство.

— Благодарю, милорд.

Герцогская яхта плавно обходила медленно качавшиеся предметы, загромождавшие посадочный коридор.

Из чрева лайнера продолжали выпадать корабли, в каждом из которых находились представители планет, коим

вскоре предстояло рукоплескать новому императорскому комплексу. Герцогу Лето тоже придется отдать должное долгой истории свершений Дома Коррино. Он представится Императору и выполнит свой долг верноподданного.

— Постарайся сесть мягко, Арко, — сказал Лето пилоту, — и держи яхту готовой к взлету. Мне бы хотелось вернуться домой поскорее под каким-нибудь предлогом.

Всеми помыслами, всем сердцем он был дома, на Каладане, со своим народом.

Пилот, кажется, был несколько разочарован.

— У меня не будет времени купить подарок любимой и сувениры племянникам, милорд?

Лето улыбнулся, стараясь ободрить пилота. Наверняка все ожидавшие думали так же.

— Конечно, будет. Сомневаюсь, что Император намерен спешить.

Яхта плавно спускалась к планете, и Лето уже отчетливо видел строгий геометрический рисунок нового имперского музея Шадама — многие квадратные километры громадных зданий, широких бульваров, дворцов и монументов — как будто кусок Кайтэйна выдрали с корнем и перенесли через Галактику на новое место.

Арко посадил яхту на приоритетную посадочную площадку, прилегавшую к новому Императорскому Монолиту. Шпиль был выполнен в виде узкого клина, расширявшегося кверху и покоившегося на мощной опоре центрального дворца. С высоты этот монумент выглядел как копье, всаженное в сердце Оторио.

Пилот и весь экипаж были поражены величием открывшейся перед ними картины и теперь будут рассказывать о нем в тавернах Каладана до конца своих дней. Улыбнувшись, Лето выдал членам экипажа приличные суммы на покупку достойных сувениров и дал время на вылазку в город. Люди, восторженно благодаря своего герцога, покинули борт, а Лето предстояло заняться прямыми обязанностями.

Герцог вышел на трап, и в ту же секунду его буквально захлестнула какофония звука и света. Прибывавшие аристократы, одетые в роскошные одежды, увешанные немислимо

дорогими украшениями и сопровождаемые огромными свитами, пытались казаться важнее, чем были на самом деле. Старавшиеся любой ценой быть замеченными, эти надутые, как индюки, и распираемые чувством собственного достоинства люди свысока смотрели на официальный, но неприятный наряд Лето. Но ему не надо было доказывать свою важность и демонстрировать богатство.

Несмотря на то что он был герцогом Каладана, Лето сразу же смешался с толпой. Он часто проделывал то же самое и дома, наслаждаясь несколькими часами незаметности, возможностью неузнанным находиться среди своего народа. Теперь он, совершенно один, прогуливался среди бесчисленных фонтанов, статуй, обелисков и музейных экспонатов.

Чины имперской службы безопасности патрулировали улицы в своих алых с золотом мундирах, сопровождаемые устрашающими сардаукарами, солдатами личной гвардии Императора. Лето заинтересовался: сардаукары привлекались только в случаях самых важных торжеств. Присутствие здесь сардаукаров говорило о том, что Шаддам придает особую важность этому событию. На Кайтэйне столетиями действовала отлаженная система безопасности, а здесь ее только предстояло создать, так что эта демонстрация силы была как нельзя более уместна.

Лето уверенно шел по широким бульварам, вдоль которых извергали воду и необъятные струи пара многоярусные фонтаны; стеклянные призмы разлагали солнечный свет на ослепительные радуги. Огромные статуи прежних Императоров из Дома Коррино представляли их в облике красивых и доблестных воинов. На постаментах красовались отполированные таблички с перечислением свершений и достижений каждого Императора.

После окончания Батлерианского джихада — десять тысяч лет назад — Коррино, взявшие себе это имя в память о Битве при Коррине, правили Вселенной, став господствующей династией. Бывали междоусобия, перевороты и временные переходы правления в руки других династий, но затем отпрыски Дома Коррино снова возвращали себе власть — путем браков с представителями правящих се-

мейств, захвата власти в результате кровавых гражданских войн или путем административных махинаций. Построив этот мемориальный город, Шаддам IV наверняка заставит всех запомнить его и его предков.

Лето задрал голову и окинул взглядом трехметровую статую отца Шаддама, «мудрого и великодушного» Элруда IX. Нахмурившись, прочитал надпись на табличке. Он-то знал, что старый Элруд был злобным и мстительным деспотом, которого презирал даже сам Шаддам. Отец Лето, герцог Пол Атрейдес, во время Икацкого мятежа воевал на стороне Элруда, но бесчестные деяния вождя вызывали сильное возмущение старого герцога.

Лето шел по бесконечному мемориальному комплексу; глазам было больно от непомерной пышности; барабанные перепонки лопались от грома праздничной музыки. Вся толпа состояла из аристократов или высокопоставленных чиновников, лично получивших заветные приглашения на это грандиозное празднество. Можно было представить себе, что сказал бы старый герцог, доведись ему присутствовать здесь.

Через час, порядком устав от толпы и суеты, Лето принялся искать спокойное место, где можно было бы отдохнуть перед личной аудиенцией у Императора. Он обошел самую большую статую у подножия Императорского Монолита — прекрасную, похожую на мадонну, фигуру Серены Батлер с ребенком на руках — с младенцем-мучеником, гибель которого привела к страшной войне с мыслящими машинами. Статуя высилась за крепким, узловатым оливковым деревом, растущим среди плит площади. На прикрепленной к дереву табличке было написано, что оно — последнее дерево, сохранившееся от бывшей здесь некогда оливковой рощи. Но совсем недавно рощу вырубил, а место это замостили плитами.

Позади статуи Серены Лето заметил неприметный запасной вход в одно из зданий огромного музея. Исполинский монумент скрывал переплетение ничем не примечательных проулков и служебных входов. Уверенный, что его никто не видит, Лето скользнул под навес, в его благодатную тень. Ароматы синтетических ароматизаторов и искус-

ственного тумана плазмы сменились более привычной вонью мусора, пота работавших здесь людей и горячего отработанного пара тепловых генераторов.

Лето подошел к одной из дверей под навесом и обнаружил, что она заперта. Здесь он был один. Тень и тишина дышали покоем. Прислонившись спиной к стене дверной ниши, Лето извлек из кармана плотно намотанную катушку шигафибра и портативный проигрыватель. Включив запись, он блаженно улыбнулся.

В воздухе появилось зыбкое изображение, быстро ставшее очень четким. Лето был счастлив увидеть прекрасную леди Джессику, его наложницу, возлюбленную, мать его сына. Джессика была одета в синее платье, а на шее ее красовалось жемчужное ожерелье — дар Каладанского моря. Длинные волосы бронзового оттенка были скреплены заколками и резными гребнями из морских раковин, подчеркивавших красоту зеленых глаз женщины.

Голос ее звучал для Лето небесной музыкой, особенно после назойливого шума музейного комплекса.

— Лето, ты говорил, что не станешь смотреть эту запись до прилета на Оторио. Ты выполнил свое обещание? — В голосе звучали задорные нотки.

— Да, выполнил, любовь моя, — негромко ответил он.

Чувственные губы Джессики тронула улыбка; грациозным жестом она поправила один из гребней. Она хорошо знала своего возлюбленного.

Одна из причин, по которой Джессика не сопровождала Лето во время этого визита, заключалась в том, что она — по политическим соображениям — была его наложницей, а не законной супругой. Несмотря на то что Лето был свободен и мог заключить брачный союз в любое время, он допускал, что, возможно, этого не произойдет никогда. Во всяком случае не после...

Он содрогнулся, вспомнив кровавую бойню, которой окончилась его свадьба с Илезой Икац. Сколько крови... сколько ненависти. Будучи аристократом Ландсраада, он был обязан открыто сообщать о своих намерениях, но для себя решил не принимать больше никаких брачных предло-

жений. Надо было позаботиться о безопасности Джессики. Правда, она как сестра Бинэ Гессерит вполне могла и сама постоять за себя.

Голографическое изображение Джессики продолжало что-то говорить, но Лето были важны не сами слова, а голос. Любовь к ней была слабостью, которую нельзя было выказывать публично.

— Благополучного возвращения, — сказала она. — Каладан ждет тебя, как и я, мой герцог.

— О, моя леди, — тихо произнес Лето, улыбнувшись. Запись окончилась, и изображение растаяло в воздухе. Из этой записи он почерпнул силы, которые наверняка понадобятся ему в мире политических интриг и маневров.

Лето еще не успел выйти из тени навеса, как вдруг в узкий проход быстро вошел еще один человек. Он был одет в черно-серый рабочий комбинезон с инструментами на поясе; на плече человека болталась сумка. Понимая, что находится в неподобающем месте, Лето уже был готов извиниться, если бы человек поинтересовался, что он здесь делает, хотя рабочий едва ли осмелился бы бросить такой вызов аристократу.

Но незнакомец его не заметил. Он протиснулся в угол и, воровато оглядевшись по сторонам, сбросил с плеча сумку. Насторожившись, Лето решил не выходить из тени. Что-то было не так. Этот человек не был похож на усталого трудягу, пришедшего на тяжелую рабочую смену; было видно, что он старается не привлекать внимания.

Лето выключил проигрыватель, чтобы не начался повтор видеописьма Джессики.

Рабочий порылся в кармане и достал тонкий кристаллический экран, к которому присоединил передающее устройство. Лето не видел подробностей того, что делал этот человек; было только понятно, что он развернул какое-то изображение — на экране высветилась орбитальная карта, покрытая кривыми линиями и светящимися красными и зелеными точками. Рабочий склонился над экраном и негромко заговорил в микрофон передатчика. Лето уловил лишь отдельные слова: «...активировать... системы... надо ждать».